

Десять лет спустя...

Двадцать первый век, двухтысячные годы.

Дунцинская воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних.

Строгие ворота медленно отворились, и молодой парнишка вышел в сопровождении дяди-полицейского.

Цзямин, первое время после выхода тебе может быть непривычно. Не обращай особого внимания на взгляды общества, а если возникнут трудности — обращай в полицию.

Будучи одним из немногих примерных мальчиков в колонии, он пользовался всеобщим расположением дяденек-сотрудников.

Спасибо, инспектор Гань.

Офицер Гань похлопал паренька по плечу:

Подожди здесь, начальник Юй хочет с тобой поговорить.

Хорошо.

Поскольку во время смены личные вещи полагалось сдавать, начальник Юй вышел только после окончания дежурства.

Цзямин!

По голосу сразу стало понятно, кто это.

Сидящий на обочине растерянный парень убрал руки, которыми только что взъерошил волосы, и поднял взгляд.

Начальник Юй.

Держи.

Начальник Юй, с резкими чертами лица, но добрым выражением глаз, протянул аккуратно сложенный клетчатый пластиковый пакет.

Цзямин послушно взял его:

Что это?

Это от всей души от наших воспитателей. Денег тут немного, но есть еще мелочь на такси. Запомни: не выставляй богатство напоказ, берегись карманников и смотри не потеряй.

Я не могу взять эти деньги.

Цзямин решительно сунул их обратно в руки начальника Юя.

У меня есть деньги.

Да брось ты! Кроме этой старой одежды и оберега, у тебя вообще есть какие-нибудь личные вещи?

Полицейские из колонии прекрасно знали, что у этого ребенка за душой ни гроша, семья бедная, а теперь еще и не осталось ни единого родственника.

Цзямин опустил голову и молчал. Он жаждал свободы, но в то же время боялся неизвестности, которая ждала его впереди.

Бри!

Начальник Юй снова сунул деньги в руки парню.

Запомни: веди себя честно, больше не горячись. Здесь тебя больше не ждем.

Понял, спасибо, начальник Юй.

Цзямин хорошо понимал: это колония для несовершеннолетних, а не тюрьма, и если он снова совершит проступок, вернуться сюда уже вряд ли удастся.

Попрощавшись, парень без всякой цели побрел по дороге, вдохнул полной грудью воздух свободы и оглядел непривычные вокруг вещи, отчего на душе сразу стало просторнее.

Он озибался по сторонам. В этой глуши не было даже крошечной лавки — собака лапу не омоет, птица гнезда не совет. Кроме изредка проезжавших машин, вокруг не наблюдалось почти ни души.

Добравшись до автобусной остановки, он открыл пластиковый пакет. Внутри лежала небольшая стопка красных купюр и горсть мелочи.

Вытащив одну красную бумажку и несколько мелких монет, он запихнул их в карман брюк. Остальные деньги тратить он не смел: аккуратно завернув их, он засунул сверток за резинку трусов — это был самый надежный способ сохранения сбережений, какой только пришел ему в голову.

Глядя на дорожный знак, он вспомнил слова инспектора Гань о том, что для возвращения в деревню придется сделать пересадку.

Но... действительно ли нужно возвращаться?

Возвращаться в тот дом, полный мучительных воспоминаний?

А если не возвращаться — жить в бетонной трубе или под эстакадой?

Об учебе нечего и думать, а найдется ли хоть какая-то работа — большой вопрос.

Ладно, лучше уж крыша над головой, чем ночевать под открытым небом. Вернусь, а там потихоньку что-нибудь придумаю.

Два года в изоляции от общества дали о себе знать: сидя в автобусе, Цзямин с любопытством смотрел на то, как люди пользуются кнопочными телефонами — они были почти у каждого, и это казалось жутко интересным.

Ему тоже хотелось купить такую штуку, но даже если не брать в расчет цену — кто станет ему звонить, если он ее приобретет? Ха, от этой мысли ему стало смешно до боли.

Вот и остановка Хэфэн.

Наконец-то он вернулся в это место — одновременно знакомое и такое чужое.

Выйдя из автобуса, он решил сэкономить два юаня на мототакси и с полчаса прошел пешком до самого въезда в деревню. Всю дорогу ему упорно казалось, что кто-то за ним следит, хотя, возможно, он просто излишне остро всё воспринимал.

Внезапно захотелось пить. Цзямин свернул в лавку и слегка смущенно произнес:

Хозяин... дайте бутылку воды.

Ой... Цзямин!

Лавочник сначала обрадовался, но тут же помрачнел:

Ты... уже отбыл срок?

Да, скостили, выпустили пораньше.

Хорошо-хорошо, раз вышел — и слава богу. Держи воду, старик угощает.

Куда это годится, сколько с меня?

Цзямин, не до конца ориентируясь в нынешних ценах, положил на стол три одноюанные купюры.

Эй, подумаешь, рубль, чего ты столько суешь? Я же сказал, за мой счет, забирай деньги обратно.

Нет-нет!

Цзямин упрямо настаивал на своем, и лавочник не стал больше спорить: из-за какого-то юаня пререкаться с ребенком со стороны выглядело некрасиво.

Убедившись, что хозяин взял деньги, Цзямин отвинтил крышку и сделал глоток.

Слушай... Цзямин, ты домой собрался?

Да.

Послушай старика, не возвращайся пока.

Выражение лица лавочника стало неопределенным.

Почему?

Потому что...

Лавочник огляделся по сторонам, наклонился к Цзямину и тихо проговорил:

Твой дом заняли чужие люди. И землю тоже.

Чего?!

Глоток воды фонтаном вылетел у него прямо из носа.

Кхе! Кхе-кхе!

Эй!

Что за дела?

Дом есть, а вернуться нельзя — это какой-то бред!

В общем, А-Цюань и А-Вэй заявили, что твой отец задолжал им денег, поэтому они захватили ваш дом и поля в счет долга.

Лавочник попытался утешить парня:

Не иди с ними напролом, эти люди совсем совесть потеряли.

А-Цюань и А-Вэй были известными на всю деревню хулиганами. Их репутация была даже хуже, чем у отца-пьяницы Цзямина, и односельчане старались обходить их десятой дорогой.

Хех, как и мой отец, оба хороши — та еще мерзость.

Ощувив полное бессилие, Цзямин вспомнил слова инспектора Гань о том, что при трудностях нужно обращаться в полицию.

Дядя, можно воспользоваться телефоном?

Держи, пользуйся.

Спасибо.

<http://bllate.org/book/21876/2271571>